

Дом, стоявший на краю вересковой пустоши, выглядел очень уединенным, как будто его всегда окружала и будет окружать тишина. Фасад окружал недавно выкрашенный белый забор, который, огибая каменную резиденцию с обеих сторон, уступал место решетчатым воротам, ведущим в загон, где паслась лошадь.

Остановив свою тихую лошадку, преподобный Персиваль Джабстоун задумался, кто из двух новых обитателей Эджмура, как метко прозвали это место, находился сейчас дома. Почти наверняка это будет мисс Ванесса Маркхэм, сказал он сам себе, поскольку ее брат в этот час наверняка пребывает на своем учительском посту. Деревенские сплетни, которые так часто доходили до его ушей через домработницу, утверждали, что она привлекательная женщина. В надежде, что так оно и будет, привязав лошадь, он направился к входной двери и дернул за звонок, услышав, как внутри зазвенел колокольчик.

Не прошло и минуты, как дверь открыла молодая служанка в чепце набекрень и с тряпкой в руке.

— Ваша хозяйка дома? — вежливо осведомился Персиваль, одновременно отмечая возраст девушки, которой, по его мнению, было не более восемнадцати лет, стройность ее фигуры и многообещающие полушария, которые подчеркивало ее черное платье.

— Ах, сэр, ваше преподобие! — произнесла Мэри, совершенно ошеломленная видом человека, показавшимся ей таким благородным.

— Все в порядке, Мэри, — послышался голос из соседней комнаты, и тут же появилась сама Ванесса — миловидная молодая женщина лет двадцати восьми или около того, как тотчас же отметил викарий.

— Да, мэм, — почти с благодарностью ответила Мэри, потому что это был ее первый день в доме, и никто не сообщил ей, как нужно встречать гостей, во многом потому, что мисс Маркхэм пока что никого из них не ожидала. Отойдя в сторону, и при этом стараясь придать видимость того, что на самом деле это не так, Мэри уступила дорогу им обоим и благополучно юркнула обратно на кухню.

— Я решил позвонить, представиться, так сказать... Простите, если я пришел в неподходящий момент, — прогремел преподобный.

— Вовсе нет, вовсе нет, прошу, проходите. Извините Мэри за неловкость. Она молода и...

— Необучена? — перебил он ее, когда они входили в маленькую гостиную, которая оказалась довольно аскетичной. — Простите меня за то, что я перебил, и не дал закончить вашу мысль, мисс Маркхэм. Однако это вопрос, над которым я много размышлял.

— Вот как? — спросила Ванесса тоном, который некоторым более чувствительным натурам показался бы несколько напряженным. Указав своему гостю на удобное кресло, сама она села напротив на столь же хорошем мягком диване, который викарий рассматривал профессиональным взглядом — так сказать, с точки зрения его частных интересов, ибо подлокотники у этого предмета мебели были благородно изогнуты и развернуты под углом наружу, что сразу же навело его на мысль о том, что такую девушку как Мэри можно было бы перебросить через один из таких подлокотников так, чтобы ее попа торчала вверх...

— Э-э-э... Да, обучение молодых девушек. С вашего позволения, я собирался сказать, что это очень желательно, не так ли?

— Я не придавала этому большого значения, викарий, — ответила Ванесса, чьи щеки слегка зарумянились, и чтобы отвлечься, она с помощью маленького серебряного колокольчика позвала Мэри и попросила подать чай.

— Я уже приготовила его, мэм, как вы и хотели, — сказала девушка с большой гордостью, предвосхищая просьбу.

— Видите, — заявила Ванесса, когда через несколько мгновений их обслужили, — она хорошая девочка.

— Во всех отношениях? — спросил священник со вспыхнувшим огоньком в глазах, поскольку чем дольше он смотрел на хозяйку, тем больше она ему нравилась. Ванессу можно было бы описать как рослую девушку, потому что ростом она была всего на дюйм или около того ниже викария, однако лишь полностью обнажившись, ее красота оказалась бы раскрыта во всей своей красе: две благородные груди, белые, словно снежные холмики; изящные изгибы живота, под которым, в районе ее щелки, находился густой, соломенного цвета, треугольник; ножки в своем стройном великолепии; изгибающиеся, будто ваза, бедра и попка, которая могла бы заставить зашевелиться член даже у статуи.

— Я полагаю, вы говорите о ее скромности, — или моей? — пробормотала она, опустив глаза к своей чашке из тонкого фарфора.

— Скромность — и я это знаю наверняка — может быть использована как прикрытие для дьявольщины, и наоборот.

— Неужели вы будете постоянно опасаться такой девушки, как Мэри? — защищаясь, спросила Ванесса. В этот момент тонкая жаркая струйка побежала по ее животу, что было вызвано не столько чаем, сколько магнетическим взглядом, который бросил на нее этот высокий, слегка грубоватый, но хорошо одетый, мужчина средних лет.

— Можно мне присесть рядом с вами? Мы можем поговорить тише, дорогая?

Не дожидаясь разрешения, Персиваль пересел к ней и обнаружил теплое бедро, так приятно соседствующее с его собственным. Его глаза остановились на очаровательной ямочке на ее щеке, сладких уголках рта. Сколько раз, подумал он, целовались эти блестящие губы? Сколько раз, — если вообще когда-нибудь, — рука, будь то мужская или женская, проникала в ее корсаж, чтобы поласкать эти великолепные полушария, которые, казалось, так нетерпеливо вздувались сквозь ее платье?

— Вы боитесь? — спросил он нежным тоном. — Нет, мисс Маркхэм, подобной строгости недостаточно для женщины. Я знаю тех, кто использует березовые розги и заставляет обнаженную попку выгибаться и гореть. Крики протеста и тревоги, которые могут быть услышаны в тихом доме, неприличны и могут потревожить тех, кто меньше всего об этом знает. Для своих целей я использую в основном кожаный тауз. Знаете ли вы о таком?

Покраснев от его слов, Ванесса отчаянно вцепилась в чашку и уставилась прямо перед собой так, что ему был виден только ее привлекательный профиль. Никто никогда не говорил с ней об этом раньше, и она не знала, что ответить, хотя ее бормотание и заставило его вежливо переспросить, что она сказала.

— Я сказала нет, — сглотнула она.

— Ну, тогда я лучше понимаю, моя дорогая. Тауз — это шотландский инструмент, широкая

плеть из толстой кожи, похожая на хороший ремень для багажа, если хотите, но разделенный на конце на два хвоста. В момент их встречи с предоставленной попкой...

— О, сэр, я не думаю, что нам следует говорить об этом! — ахнула Ванесса.

— Я понятия не имел, что вы не в курсе. Воистину, я не знал. Прошу прощения. Вы хорошо устроились здесь? Резиденция достаточно просторная для вас?

— Да, конечно. Могу я показать вам все вокруг? — поспешно спросила Ванесса так, как будто в этот момент она предпочла бы делать хоть что-нибудь, чем просто продолжать подобный разговор.

— Да, это было бы любезно, и даже более того, потому что мне нравится думать о моих прихожанах ночью на молитве, мисс Маркхэм, и таким образом я представляю их — всех и каждого — в их уединенных покоях, с очагами, зажженными в зимнее время, с отблесками огня на потолке. Разве это не одно из самых приятных и уютных зрелищ? — спросил он, помогая ей подняться и одновременно проведя рукой по ее стройному бедру.

— Я... Я думаю, да, — ответила молодая женщина. Она не думала показывать ему ничего столь интимного, как ее спальня, но, казалось, от этого никуда не деться. Так была проведена небольшая экскурсия — сначала холл, затем небольшая столовая возле кухни и маленькая оранжерея, цветами которой викарий восхитился, — а затем наступил тот нерешительный момент, когда Ванесса повела его вверх по лестнице.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/1132/29390>